

Е.В. Журбей

**Разрешение сепаратистских конфликтов
посредством политики «европеизации»
(на примере Сербии и Черногории)**

**Resolution of secession conflicts by the policy of «Europeanization»
(on the example of Serbia and Montenegro)**

Настоящая статья является попыткой анализа политики Европейского Союза в разрешении сепаратистских конфликтов в странах Европы на примере Сербии и Черногории. Автор приходит к выводу, что использование механизмов кондициональности и социализации в Сербии и Черногории предотвратили появление нового балканского очага напряженности и нестабильности, но тактические ошибки, допущенные в выборе модели кондициональности/социализации, привели к распаду Союза Сербии и Черногории.

This article is an attempt to analyze the policy of European Union in secession conflict resolution of European countries (on the example of Serbia and Montenegro). The author came to the conclusion that the use of mechanisms of conditionality and socialization in Serbia and Montenegro prevented from appearance new Balkan centre of instability and intensity, but tactical mistakes that were admitted in the choice of conditionality / socialization model brought to the Serbia and Montenegro Union disintegration.

21 мая в Черногории прошел референдум по вопросу о независимости страны. «Больше 86 процентов избирателей явились на участки. 55,4 процента из них высказались за отделение Черногории от Сербии, 44,6 процента – против. Договоренность с Евросоюзом предусматривала, что Черногория станет независимой, если за это проголосует более 55 процентов электората»¹. Результаты референдума окончательно определили бесперспективность дальнейшего существования Союза между Сербией и Черногорией, а также выявили внешнеполитические приоритеты Европейского Союза в отношении процесса дальнейшего расширения своего членства за счет бывших республик Югославии. Вместе с тем результаты референдума дополнительно актуализируют проблемы тлеющих в Европе «сепаратистских конфликтов» в Косово и Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии, Боснии и Герцеговине, а также на Кипре. Целью данного исследования является анализ и оценка перспектив государств Сербии и Черногории в

¹ Грушин И. Братья расселись по разным домам // Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2006/06/03/montenegro> [Дата обращения 6.07.2006 г.].

условиях проводимой ЕС политики «европеизации», как метода урегулирования и разрешения конфликтов. Смогут ли Абхазия или Южная Осетия, Кипр или Косово воспользоваться этим опытом? Стоит ожидать существенных изменений во внешнеполитической стратегии ЕС и в политике дальнейшего расширения союза? Ответить на эти и многие сопутствующие вопросы сможет экскурс в историю создания Союза Сербии и Черногории, а также определение роли в этом процессе Европейского Союза.

Существенные разногласия между сербами и черногорцами обозначились ко второй половине 90-х гг. вследствие «асимметрии между обоими субъектами, поставившей Черногорию в зависимость от решений, принимаемых Сербией»¹. Черногория оказалась фактическим заложником политики Слободана Милошевича, который проводил политику эскалации этнических конфликтов в Боснии и Герцеговине, а затем и в Косово. Главным инициатором и сторонником отделения от Сербии в 1997 г. выступил черногорский лидер Мило Джуканович. Уже в конце 90-х XX в. будучи президентом Черногории, он старался обособить её от Сербии и выйти из Югославской федерации. Например, несмотря на то, что Югославия была федерацией, а не конфедерацией (в последней возможно хождение нескольких денежных единиц), Джуканович в 1999 – 2000 гг. отменил использование на территории Черногории югославского динара, вместо которого в качестве валюты стала использоваться немецкая марка. Когда немецкая марка вместе с песетами, франками и лирами ушла в небытие, то её место в Черногории занял евро, в то время как Сербия сохранила у себя динар. Помимо манипуляций с валютой, Джуканович позволял себе время от времени шантажировать федеративную власть по различным вопросам. Во время злополучных выборов 2000 г. Джуканович объявил черногорский бойкот, но при этом сказал, что если победит Милошевич, то Черногория сразу же начнёт процесс выхода из состава Югославии.

На федеральных выборах 2000 г. Демократическая оппозиция Сербии (ДОС) в результате революционных потрясений утверждается у власти, что повлекло за собой незамедлительное восстановление отношений между ФРЮ и мировым сообществом, в первую очередь Европейским Союзом. Несмотря на радикальные изменения в политической системе федерального государства руководство Черногории продолжало настаивать на возможности образования полноценного и независимого государства Черногория.

Появление нового субъекта международных отношений в бывшей Югославии в условиях оказания помощи еще неокрепшей демократии в Белграде не входило в планы Европейского Союза, который на ближайшие годы становится определяющим арбитром в отношениях Белграда и Подгорицей. Единственно ве-

¹ Нутчева Г., Хейссен М. Сербия и Черногория / Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии. / Бруно Коппитерс, Майкл Эмерсон, Мишель Хессен, Тамара Ковридзе, Гегана Нутчева, Натали Точи, Мариус Валь, с комментариями Нику Попеску, Гиа Нодиа; пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2005. – С. 125.

сомым рычагом влияния на Сербию и Черногорию со стороны ЕС была заинтересованность последних во вступлении в Европейский Союз в наиболее короткие сроки. Каждый месяц в выступлениях представителей Совета по общим делам Европейского Союза в той или иной форме звучала формула «демократическая Черногория в демократической Федеративной Республике Югославии». Однако, по мнению подавляющего большинства экспертов «нечеткая формулировка неясных стимулов и отсутствие сильных независимых акторов, способных донести свою точку зрения до сторон конфликта, была недостаточной для того, чтобы привести к решающему прорыву на переговорах между Подгорицей и Белградом»¹. Является ли подобная позиция следствием отсутствия стратегического видения развития Сербии и Черногории в рамках европейского пространства со стороны ЕС или все дело в тактических ошибках приведших к развалу союзного государства?

Если проанализировать политику Европейского Союза в отношении Сербии и Черногории в последние три-четыре года, то можно прийти к заключению, что, скорее всего, были совершены тактические ошибки в определении модели в области европеизации применительно к сфере урегулирования и разрешения конфликтов в разделенных государствах. Прежде чем вести речь о содержательной стороне совершенных ошибок необходимо определиться с понятием «европеизация». Что же такое европеизация в рамках урегулирования и разрешения конфликтов?

Несмотря на то, что термин «европеизация» является устоявшимся в политологическом лексиконе, но до недавнего времени подавляющая часть ученых не связывали и не пытались связать европеизацию и разрешение конфликтов в контексте сецессионистских кризисов. Рисс Т., Каулс М. и Капорасо Дж. определяли европеизацию как «возникновение и развитие отдельных структур управления на европейском уровне»². Ладрек Р. Под европеизацией понимал «постепенно нарастающий процесс переориентации направления и формы политики до такой степени, что политическая и экономическая динамика ЕС станет частью организационной логики национальной и политической жизни и политической стратегии»³. По мнению Ольсена И. европеизацию можно рассматривать в пяти проекциях. Во-первых, европеизация касается изменений во внешних территориальных границах ЕС (например, процесс расширения ЕС); во-вторых, развития институтов управления на уровне ЕС; в-третьих, вмешательства центра в национальные и субнациональные системы управления; в-четвертых, экспорта форм определенно европейской политической организации и управления за территорию ЕС; в-пятых, политического проекта, стремящегося к объединению, к полити-

¹ Там же. – с. 127.

² Risse T, Cowles M, Caporaso J. Transforming Europe: Europeanization and Domestic Change. Ithaca NY: Cornell Press, 2001. P. 1.

³ Ladrech R. Europeanization of Democratic Politics and Institutions: The Case of France // Journal of Common Market studies. Vol. 32. № 1. 1994. P. 70.

ческому укреплению ЕС¹. Радаэлли К. определяет европеизацию, прежде всего, как триединый процесс строительства, диффузии и институционализации различных правил, норм и процедур, которые разрабатываются и консолидируются в рамках проводимой ЕС политики, а затем водятся в логику внутреннего дискурса, политических структур и государственной политики². Превалирующей тенденцией в определении такого феномена, как европеизация являлось стремление исследователей ограничиться рамками политического процесса внутри Европейского Союза, что, в конечном счете, является ограниченным видением рассматриваемого явления.

В последние годы появляются исследования, в которых делается попытка переноса правил, норм и процедур Европейского Союза на третьи страны, в первую очередь на страны, претендующие на вступление в ЕС. В своем исследовании мы будем исходить из следующего определения европеизации: «европеизацию в области урегулирования и разрешения сецессионистских конфликтов следует понимать как процесс, проводимый в действие и стимулируемый европейскими институтами, прежде всего Европейским Союзом, путем привязки окончательного исхода конфликта к определенной степени интеграции заинтересованных сторон в европейские структуры»³. Исходя из определения, мы можем сделать вывод, что феномен европеизации для периферийных ЕС стран можно рассматривать в качестве инструмента внешней политики Европейского Союза, так как «государства, на которые воздействует этот процесс, не имеют институциональных средств участия в принятии Европейским Союзом решений, затрагивающих их интересы»⁴. Именно данное обстоятельство отличает европеизацию, касающуюся периферии ЕС и европеизацию исключительно в контексте ЕС. Развитие конфликтной ситуации в Сербии и Черногории подпадает под вариант «периферийной европеизации», когда на лицо стремление участников политического конфликта, как можно быстро интегрироваться в структуры Европейского Союза.

Каким же образом осуществляется процесс европеизации на периферийные страны ЕС? Прежде всего, необходимо отметить, что воздействие европейских институтов затрагивает преимущественно три уровня. Первый уровень – это уровень правовых и административных структур внутренних институтов. Второй уровень вобрал в себя экономическую, социальную политику и политику в сфере безопасности. Третий уровень – это уровень измене-

¹ Olsen J. The Many Faces of Europeanization. // Режим доступа: http://www.arena.uio.no/publications/wp02_2htm [Дата обращения 5.07.2006 г.].

² Radaelli C. The Europeanization of Public Policy // The Politics of Europeanization. Oxford, Oxford University Press, 2003. P. 30.

³ Нутчева Г., Точки Н., Копитгерс Б., Ковзиридзе Т., Эмерсон М., Хейссен М. Европеизация и сецессионистские конфликты: концепции и теории / Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии. / Бруно Копитгерс, Майкл Эмерсон, Мишель Хессен, Тамара Ковридзе, Гегана Нутчева, Натали Точи, Мариус Валь, с комментариями Нику Попеску, Гиа Нодиа; пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2005. – С. 27.

⁴ Там же.

ний в сфере политического представительства, партийной системы, групп интересов и т.д. Европейский Союз, выступая как «активный актор» путем предложения наград и наказаний изменяет динамику конфликта и тем самым направляет его в русло мирного урегулирования, а выступая в роли «рамочной структуры», ЕС имеет возможность и способность предложить конфликтующим сторонам альтернативные решения для урегулирования конфликта благодаря своей институциональной системе и уровням управления.

Если мы проанализируем вышеназванные пути европеизации по отношению к Сербии и Черногории, то придем к заключению, что в нашем случае эти два пути тесно связаны и переплетены между собой. С Сербию и Черногорию можно отнести к странам с подтвержденной европейской перспективой, что, в конечном счете, и определило европейское лидерство в деле урегулирования взаимоотношений между братскими славянскими республиками. Пообещав в перспективе рассмотреть возможность вхождения в состав ЕС данных балканских республик, ЕС надолго получил серьезный рычаг влияния на обстановку в данном регионе. Использование к тому же европейскими властями новаторских управленческих решений в конфликтной ситуации между Сербией и Черногорией в корне отличают рассматриваемую ситуацию от ситуации Приднестровья, Абхазии или Южной Осетии, где перспектива тесных институциональных отношений не стоит на повестке дня в ближайшее десятилетие. Данное обстоятельство позволяет провести водораздел между «странами ближней периферии» (Балканский регион, Кипр) и «странами дальней периферии» (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия) по отношению к которым осуществляется процесс европеизации.

Привязка окончания конфликта к определенной степени интеграции с Европейским Союзом заинтересованных сторон осуществляется посредством конкретных механизмов кондициональности и социализации, которые необходимо рассматривать в качестве неотъемлемой части процесса европеизации. «Основное содержание модели кондициональности ЕС базируется на расчетах сравнения издержек и выгод, в которых внутренние переменные являются ответом кандидатов на материальные и социальные блага, предлагаемые ЕС, вроде финансовой и технической помощи, институциональных связей, доступа к рынку и приглашения начать переговоры о вступлении в ЕС»¹.

Европейский Союз обладает громадной властью в сфере урегулирования конфликтов, так как именно он решает давать зеленый свет потенциальным кандидатам на вступление в ЕС или нет. При этом необходимо отметить, что интеграция в ЕС возможна не только через немедленное вступление в союз, но и через постепенное подключение к общей политике ЕС в таких областях, как единый рынок или юстиция и внутренние дела. Предлагая различные варианты интеграции посредством кондициональности, т.е. фактически представляя конфликтующим

¹ Там же. – С. 33.

сторонам наиболее предпочтительные решения имеющихся проблем, Европейский Союз получает возможность вмешиваться в конфликт на различных стадиях его протекания.

Данное вмешательство происходит, как правило, не путем военной интервенции, а путем воздействия европейских институтов, на внутренние переменные, изменяя внутреннюю структуру возможностей, например, через передачу Европейским Союзом политических, финансовых и иных ресурсов конфликтующей стороне, тем самым легитимизировав ее дальнейшие действия в процессе конфликта. Выбор конфликтующей стороны, которой достанется помощь ЕС, определяется проевропейской ориентацией местных элит, так как в конечном счете, именно элиты являются проводниками процесса усвоения и адаптации условий разрешения конфликта, а также общеевропейских норм к местной специфике, которые, в конечном счете, становятся неотъемлемой частью внутривнутриполитической динамики.

Наряду с механизмом кондициональности европеизация использует и иные механизмы, одним из которых является процесс социализации и/или социального обучения. Участвуя в общеевропейских институциональных структурах, конфликтующая сторона тем самым меняет собственную идентичность. Конфликтующая сторона усваивает внешние для нее нормы и правила, позволяющие ей не только осуществить желаемую интеграцию, но и разрешить конфликт со своим оппонентом. Подобное изменение происходит либо в результате того, что внешний актор (в нашем случае ЕС) мобилизует элиты или местное сообщество, тем самым, мотивируя их изменить собственные интересы, либо элиты и местное сообщество объединяются, для того чтобы поддерживать международные (общеевропейские) нормы и побудить местную власть, изменить проводимую ей государственную политику. При этом процесс кондициональности не в коем случае не заменяет процесс социализации, а является непременно дополнением первому. Главное отличие между процессом кондициональности и социализации лежит во временных границах. «Перемены вследствие политики кондициональности могут происходить в кратко- и среднесрочной перспективе по мере того, как авторы с неизменной идентичностью и интересами будут просто действовать по-новому, чтобы приспособиться к изменению ситуации. Более подлинных и глубинных перемен, которые происходят благодаря фактическому преобразованию идентичности и интересов, можно ожидать только спустя долгое время»¹. Вместе с тем европейские исследователи делают обязательную оговорку, что процесс кондициональности не всегда сможет привести к эндогенным процессам социальных изменений. Наиболее ярко данная ситуация иллюстрируется ситуацией в Косово, где сербская сторона воспринимает кондициональность исключительно как одобрение действий косовских сепаратистов, что существенно сокращает возможность социализации сербской и албанской сторон конфликта. В случае сербско-черногорского противостояния серб-

¹ Там же. – С. 37 – 38.

ская сторона придавала процессу кондициональности большую долю легитимности, чем в случае косовского конфликта. Необходимо четко понимать, что если вовлеченная в конфликт сторона не имеет прочных институциональных взаимоотношений с Европейским Союзом, то процесс кондициональности не окажет никакого позитивного эффекта, а в ряде случаев только усугубит ситуацию в разделенном государстве. Примеры Приднестровья, Южной Осетии и Абхазии лишний раз подтверждают данную особенность процессов кондициональности и социализации.

Генеральная линия Европейского Союза в отношении конфликтов на собственной периферии заключалось в том, чтобы всеми доступными средствами (механизмами кондициональности и социализации) сдерживать конфликтующие стороны от сецессии, так как это могло послужить прецедентом и привести к эффекту домино. В этой связи поведение ЕС в отношении периферийных конфликтов и их участников согласно европейским исследователям соответствует трем моделям кондициональности и социализации (см. таблицу 1). Несмотря на некоторую условность данных теоретических конструкций, они наиболее близко описывают вариативность взаимоотношений конфликтующих сторон и посредника конфликта.

Таблица 1.
Европеизация и урегулирование конфликтов:
прогнозируемые и непрогнозируемые последствия¹

	Кондициональность – социализация МОДЕЛЬ I	Кондициональность – социализация МОДЕЛЬ II	Кондициональность – социализация МОДЕЛЬ III
Политика ЕС	ЕС способствует решению в духе общего государства и предлагает общему государственному образованию льготный доступ к ресурсам и институтам ЕС ЕС применяет кондициональность «общего государства» к обеим сторонам ЕС социализирует общее государство	ЕС оказывает предпочтение одной из сторон в зависимости от: Демократичности ее режима; Приверженности ее правительства реформам; «Разумного поведения» ее руководства на переговорах ЕС предлагает предпочитаемой им стороне льготный доступ к ресурсам и институтам ЕС ЕС может в качестве крайнего средства признать отделившуюся сторону, если она будет сочтена «кра-	ЕС неохотно допускает сецессию и признает обе стороны ЕС предлагает льготный доступ к ресурсам и институтам обеим сторонам, но ставит это в зависимость от соблюдения каждой из них Копенгагенских критериев: Демократии; Рыночной экономики; Власти закона.

¹ Там же. – С. 50 – 52.

		<p>зумным» партнером, но не сделает этого, если она не будет сочтена «неразумным партнером»</p> <p>ЕС оказывает нажим на «неразумную сторону»</p> <p>ЕС социализирует предпочитаемую им сторону</p>	<p>ЕС социализирует обе стороны по отдельности</p>
<p>Прогнозируемые последствия</p>	<p>Устранение тенденций к сепаратизму</p> <p>Происходит трансформация конфликта</p> <p>Актеры все более убеждаются в преимуществах общего государства</p> <p>Строительство институтов на базе общего государства</p>	<p>Изоляция «неразумной» стороны, направленная на изменение политики или даже режима</p> <p>Разрешение конфликта откладывается до тех пор, пока изолированная сторона не вернется за стол переговоров, заняв «разумную» позицию</p>	<p>Разрешение конфликта путем «бархатного развода»</p> <p>Оформление сепарации</p> <p>Демократизация и экономическое развитие обеих сторон для предотвращения конфликта в будущем</p>
<p>Непрогнозируемые последствия</p>	<p>Создание поверхностного слоя общих институтов</p> <p>Главная единица убеждается в преимуществах распада общего государства</p> <p>Косвенная поддержка политических партий с националистическими или антиреформаторскими платформами</p> <p>Акцентирование институционального строительства на уровне общего государства подрывает процессы социализации и институцио-</p>	<p>Исключение изолированной стороны укрепляет структуры авторитарного руководства и теневой сектор экономики, усиливая характеристики «неудавшегося государства»</p> <p>Опасность эскалации конфликта вплоть до гражданской войны</p> <p>Создаются препятствия для социализации изолированной стороны</p> <p>Возможная ассоциация изолированной стороны с другой внешней державой «налоговых гаваней»</p>	<p>Развитие числа микросоциальных и потенциальных «налоговых гаваней»</p> <p>Риск дестабилизации региона</p> <p>Эффект домино для сепаратистских движений в других районах мира</p>

	нального строительства на уровне субъектов авторитарного руководства и теневой сектор экономики, усиливая характеристики «неудавшегося государства»		
--	---	--	--

Из предложенных трех моделей поведения Европейского Союза по отношению к Сербии и Черногории была выбрана первая модель. Все имеющиеся внешнеполитические ресурсы ЕС были направлены на то, чтобы предотвратить распад сербско-черногорского союза, особенно после свержения Милошевича и прихода к власти в Белграде демократической оппозиции. Сербия и Черногория официально провозгласили курс на скорейшую интеграцию в структуры Европейского Союза, что позволило ЕС начать активно претворять в жизнь кондициональность – социализацию первой модели. Наиболее отчетливо этот процесс стал проявляться в 2002 г.

К концу 2001 г. диалог о разграничении полномочий между Белградом и Подгорицей зашел в тупик, что заставило Европейский Союз взять на себя активную роль третейского арбитра. Представителю ЕС по Общей внешней политике и политике безопасности Х. Солане был предоставлен специальный мандат, для того чтобы оппонирующие стороны смогли достичь соглашения, но на основе обязательности сохранения единого государства. Посредничество Х. Соланы принесло свои плоды уже ранней весной, когда 14 марта 2002 г. Сербия и Черногория подписали, так называемые Белградские соглашения. Данные соглашения обязывали стороны в течение 8 месяцев договориться о разработке и подписании Конституционного Устава Союза государств, а также Плана действий по экономической гармонизации.

Союз государств Сербии и Черногории был основан в феврале 2003 г. как государство-правопреемник Федеративной Республики Югославия (ФРЮ). Возникшее в феврале 2003 г. политическое образование представляло собой гибридную институциональную модель, сочетающую одновременно черты федерации и конфедерации. «Общее государство Сербии и Черногории возникло в результате настоятельного вмешательства ЕС, поддержанного его органами. Именно структура стимулов (incentive structure) ЕС, включая обещание полной интеграции в состав ЕС, побудила обе стороны пересмотреть свои конституционные взаимоотношения и остаться в общем государстве»¹.

Черногорцы видели в созданном государстве конфедерацию, т.е. союз независимых государств, в то время как сербы рассмат-

¹ Нутчева Г., Хейссен М. Сербия и Черногория / Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии. / Бруно Кошпитерс, Майкл Эмерсон, Мишель Хессен, Тамара Ковридзе, Гертана Нутчева, Натали Точи, Мариус Валь, с комментариями Нику Попеску, Гиа Нодиа; пер. с англ. – М.: Издательство «Весь Мир», 2005. – С.126.

ривали союз в качестве федерации, в которой полномочия в важнейших вопросах политики принадлежат центральным властям и существует четкое разделение сфер компетенции между центральными и республиканскими органами власти. Разногласия не были преодолены на всем существовании союзного государства вплоть до его роспуска летом 2006 г. По мнению подавляющего большинства экспертов, Белградские соглашения не смогли разрешить конфликт между Сербией и Черногорией. При первой возможности Черногория воспользовалась предусмотренным положением соглашений о возможности выхода из состава государства через три года, что она фактически и сделала, проведя в мае 2006 г. референдум о собственной независимости.

Свидетельствует ли факт распада союзного государства в 2006 г. о серьезных ошибках процесса европеизации участников конфликта, в том числе и в выборе модели кондициональности и социализации выбранной для Сербии и Черногории или распад является чем-то закономерным и усилия ЕС были напрасными? Усилия ЕС не были напрасными – это несомненный факт. Стратегическая линия Европейского Союза была верной и дала свои позитивные результаты. Европейский Союз смог не допустить разрастание политического противостояния в противостояние военное. Это касается не только ситуации с Сербией и Черногорией, но и всего Балканского региона в целом в поствоенный период 90-х гг. XX в. Европейский Союз в большей степени добился того, что напряженность между бывшими противниками военно-политических конфликтов была преимущественно снята путем политики кондициональности и социализации. Европа заставила местные элиты сесть за стол и совместно вести свои страны по пути демократизации, рыночной экономики и сотрудничества в области безопасности. Наличие стратегического видения возможностей мирного урегулирования конфликтов ставит ЕС в более выигрышное положение, чем США и Россию в сфере миротворческих инициатив. США и Россия на сегодняшний день не имеют адекватных стратегических инициатив способных привести к желаемым результатам в тех регионах, в которых эти страны могли бы предложить варианты политики европеизации посредством механизмов кондициональности и социализации.

В чем же тогда ошибся Европейский Союз в отношении проводимой политики, в отношении Сербии и Черногории? Ошибка заключается в выбранной тактике. Модель кондициональности и социализации направленная на разрешение конфликтной ситуации в духе общего государства с перспективой будущего вступления в ЕС не сработала. Не были устранены тенденции к сепаратизму, наоборот они возрастали год от года. Европейский Союз так и не смог убедить Сербию и Черногорию в преимуществах единого государства. Развитие событий показывают, что наиболее адекватной моделью была бы третья модель, при которой ЕС допустил сецессию и признал обе стороны без оказания предпочтений одной из сторон конфликта. Вместе с тем ради справедливости необходимо отметить, что подобное утверждение лег-

ко делать сегодня, когда мы имеем свершившийся факт – распад союзного государства Сербии и Черногории. Политические и социально-экономические стимулы, предложенные участникам конфликта не были достаточными для того, чтобы убедить последних изменить собственную позицию. «Стимул членства в ЕС, предложенные Союзу государств Сербии и Черногории, не смог вдохновить общественность на поддержку общего государства ни в той, ни в другой республике. Он привел к перестройке политического пространства и в Сербии, и в Черногории, но в результате власть получают не сторонники Союза государств, а его критики. Поэтому стимул членства в ЕС не смог изменить внутренний баланс политической власти в пользу акторов, сочувствующих делу общего государства»¹. Список тактических ошибок можно продолжить, но не совершает ошибок только тот, кто не действует. Главное достижение ЕС в урегулировании конфликта между Сербией и Черногорией заключается в том, что была достигнута столь желаемая стабилизация в регионе. Конфликтующие стороны получили возможность взвесить все плюсы и минусы совместного сосуществования в рамках единого государства, а затем на основе демократических механизмов определить свою дальнейшую судьбу.

Смогут ли воспользоваться опытом Сербии и Черногории участники иных сепаратистских конфликтов «ближней» или «дальней» периферии Европы? Этот вопрос до сих пор остается открытым. Конфликт Сербии и Черногории по поводу будущего общего государства имеет одно принципиальное отличие от иных аналоговых конфликтов Европы. В отличие от Косово, Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии и Кипра, история отношений между Сербией и Черногорией, во-первых, не отличается этническим антагонизмом, а во-вторых, она не знает военного противостояния. Идентичность сербов и черногорцев, в отличие, например, от сербов и албанцев практически условна и нивелирована общей принадлежностью к православию. Наилучшие перспективы вслед за Сербией и Черногорией просматриваются у Кипра, который уже является полноправным членом ЕС, а Турцией имеет возможности в ближайшие годы стать членом ЕС. Наименьшие перспективы в разрешении конфликта посредством предложенной Европой политики европеизации видятся в Грузии. Конфликтующие стороны диаметрально противоположны в направлениях своей интеграции. Жители Абхазии и Южной Осетии видят свое будущее исключительно в союзе с Россией, а жители остальной Грузии исключительно в союзе с Европой. Несмотря на сложность конфликта в Косово перспективы урегулирования данного конфликта видятся более радужными, так как именно этот конфликт является лакмусовой бумагой для ЕС в определении состоятельности всей политики европеизации, а значит внешней политики ЕС по разрешению конфликтов в целом.

На основе вышесказанного можно прийти к заключению, что

¹ Там же. – С.143.

в современных конфликтах, особенно в тех, где сохраняется угроза физического выживания одной из сторон конфликта, единственно возможным путем урегулирования подобных конфликтов является массированное вмешательство внешних сил, которые в состоянии предоставить гарантии безопасности наименее слабой стороне. Именно данные гарантии безопасности являются ключом к урегулированию конфликта. Вместе с тем, необходимо отметить, что политика Европейского Союза является примером реализации распространенной ныне внешнеполитической стратегии, состоящей в том, что члены крупных региональных объединений в своем влиянии на периферию все более активно переходят от прямого, в т.ч. военного, давления к манипулятивным приемам, связанным с регулированием доступа местных элит к региональным благам.

